

требуется широкое освещение с использованием документов и материалов вопросов реабилитации. Поэтому сегодня необходимо исследование всех компонентов реабилитации как составной части концепции национальной политики СССР. Для определения направлений в современной национальной политике важно изучить историю и опыт реабилитации необоснованно репрессированных народов в 20–50-е годы прошлого столетия, подвести итоги проведенных мероприятий по реабилитации с учетом специфической особенности проведения в Казахстане, выявить категории населения, не подвергшиеся политической либо юридической реабилитации и определить основные направления работы по увековечению памяти жертв политических репрессий. Нет, наверно, ни одной семьи, судьбы которых не коснулись бы трагедия голода, гонений, репрессий, Великой Отечественной войны. Но в каждой семье бережно хранят память о своих близких, ведь пока мы их помним, они живут в наших сердцах.

На сегодня, реабилитация жертв политических репрессий – это необходимость времени, необходимо сделать объективный анализ трагических страниц советского периода.

Список использованной литературы и источников

1 Kalybekova M.Ch., Apendiev T. KAZAKHSTAN GERMANS: TRAGICAL PAGES OF HISTORY // Bulletin National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. –2020. – 4 (386). – 331–338. – URL: <https://doi.org/10.32014/2020.2518-1467.134>.

2 Токаев К.-Ж.К. Обращение по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода от 30 мая 2020. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/events/>.

3 Калыбекова М., Шеткус Б., Болатхан А. От Балтийского моря до степей Казахстана. – Алматы, 2019. – 260 с.

4 Центральный Государственный Архив Республики Казахстан – ЦГА РК. Ф. 1109 с. Оп. 2 с. Д. 18. Св. 1.

5 Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК. Д.13.

6 ЦГА РК. Ф. 1109с. Оп. 2с. Д. 28. Св.1. Л. 39.

Бобров Л.А.

д.и.н., Новосибирский государственный университет, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований НГУ, доцент кафедры археологии и этнографии

Новоселов В.Р.

к.и.н., Музей Московского Кремля (ММК), ведущий научный сотрудник ММК

САБЛЯ-ИНСИГНИЯ ХАНА АБЛЯЯ И ХАНА ВАЛИ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Важным направлением современных оружейведческих и военно-исторических исследований является изучение элитных образцов длинноклинкового оружия тюрко- и монгольязычных кочевников Великой степи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Особое место в данной связи занимают так называемые «жалованные» сабли, переданные в дар казахским аристократам представителями российских властей. Указанные образцов длинноклинкового оружия будут рассмотрены нами в специальной работе. Здесь же отметим, что наряду с именным «жалованным» оружием, представляющим собой награду или ценный дар в рамках указанной серии присутствуют и сабли-«инсигнии» как особые

знаки (символы) ханской власти. Снабженная соответствующей надписью сабля-инсигния вручалась казахскому правителю уполномоченными представителями Российской империи во время торжественной церемонии утверждения степного монарха в ханском достоинстве. Введение именного «жалованного» оружия и, особенно сабель-инсигний, в научный оборот актуально, поскольку позволяет уточнить многие вопросы, связанные с особенностями формирования комплекса длинноклинкового оружия в арсенале власти высшей казахской знати середины XVIII – первой трети XIX вв., а также особенностями российско-казахских отношений в этот период.

В фондах Музеев Московского Кремля (далее, ММК) хранится богато оформленная сабля, представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, военных историков и этнографов (Инв. № 4427/1-3). Данная сабля поступила в Оружейную Палату из Гохрана 26 мая 1926 г. Впоследствии она неоднократно экспонировалась на различных выставках и была рассмотрена В.А. Дуровым в его монографии «Русское наградное оружие» [1, с. 306–308]. Исследователь атрибутировал рассматриваемый образец длинноклинкового оружия как «жалованную саблю для Эрали-хана» и датировал 1792 г. Проведенный анализ конструкции, системы оформления и надписи на клинке сабли показали, что предложенная датировка и атрибуция требуют корректировки. Кроме того, при первичной публикации не были приведены размеры сабли, ножен и их элементов, а также не указано время изготовления оружия.

Целью данной статьи является ознакомление научного сообщества Республики Казахстан с результатами исследования, проведенного российскими учеными относительно сабли № 4427 из собрания ММК. В рамках исследования были детально изучены особенности конструкции, декоративного оформления сабли и надпись на клинке (а также обстоятельства ее нанесения), уточнены датировка и атрибуция оружия [2, с. 87–104].

Общая длина сабли – 101,5 см, в том числе длина клинка – 87,9 см. Длина сабли в ножнах – 106,5 см. Вес без ножен – 860 гр., с ножнами – 1 855 гр. По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к клинкам со средним изгибом и слабо выраженной елманью. Треугольный (клиновидный) в сечении клинок изготовлен из стали, пята не выражена, обух широкий, плоский, боевой конец клинка со слегка расширяющейся елманью (длина елмани – 24,8 см) – обоюдоострый (рис. 1).

Рисунок 1 - Сабля-инсигния. Надпись на клинке – 1778 г. (г. Санкт-Петербург), правка надписи – 1782 г. (г. Оренбург). Турция, первая половина XVII в.

Фото С.В. Баранова [по: 2, с. 90].

У основания клинка золотом насечены орнаментальные клейма. Непосредственно под перекрестьем помещено изображение сетчатой «арки», увенчанной фигурным навершием из плетеного растительного орнамента. Ниже по клинку насечен золотой каплевидный «картуш», внутреннее пространство которого заполнено густым растительным орнаментом в виде переплетающихся цветочных побегов.

В средней части сабельной полосы золотом насечены надписи: с внешней стороны – на русском языке, с внутренней – арабоязычная, перевод русской: «Божією милостію Екатерина Вторая императрица и самодержица всероссійская жалуеть сею саблею подданнаго своего Вали хана киргисъкасацкой средней орды приучрежденію его всіе достоинство: 24-го маія 1782 года». Отметим, что в текст русской и арабской надписи вносились изменения. Так, в частности, были исправлены имя хана и год пожалования сабли. При этом, в ходе внесения изменений, мастер, грубо работая штихелем, покрыл фон вокруг букв и цифр характерной сеткой, благодаря которой упомянутые исправления хорошо заметны на поверхности клинка [2, с. 92, 93, рис. 3, 1, 2].

Рисунок 2

Эфес сабли состоит из изогнутой рельефной рукояти и крестообразной гарды. Длина рукояти – 16 см. Ширина рукояти (без учета кастов): 2,9–3,8 см.

Позолоченная чеканная рукоять сабли выполнена из серебра. С внешней стороны она украшена высокими кастами, в которые вставлены кабошоны нефрита и бирюзы. Многочисленные малые округлые касты дополнены двумя большими «гнездами» подреугольной и лепестковидной формы соответственно, в которые вставлены массивные нефритовые плащики (рис. 1). Пространство между кастами и «гнездами» заполнено растительным орнаментом. Рисунок выполнен резцом по заглабленному фону, детали доработаны гравировкой. Преобладающим типом узора являются изображения цветов и листьев с вырезным краем («саз»).

Литая серебряная гарда крестообразной формы покрыта позолотой. Прямые стержни крестовины, расширяясь на концах, образуют приостренные лопасти. Последние снабжены (с лицевой стороны рукояти) округлыми «гнездами», в которые были вставлены нефритовые кабошоны, инкрустированные золотом и кастами с рубинами. Центральную часть стержней крестовины дополняют два овальных каста с кабошонами бирюзы и нефрита. Центр гарды с внешней стороны снабжен большим миндалевидным «гнездом» с массивной нефритовой вставкой, на поверхности которой размещены три малых кабошона с рубинами,

соединенные золотыми цветочными побегами с узкими листьями. На концах перекрестья помещены округлые касты с бирюзой. Поверхность гарды между «гнездом» и кастами покрыта густым растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки.

Сабля снабжена деревянными ножами. Их общая длина – 93 см, ширина – 5,2–5,5 см, толщина – 1,5–1,6 см. Поверхность ножен обтянута красным бархатом (стык выведен на тыльную сторону). Выполненный из позолоченного серебра прибор ножен состоит из устья, четырех обоймиц и наконечника (рис. 1). В кольца обоймиц продет двуцветный шнур, сплетенный из шелковых нитей с четырьмя кистями и четырьмя ворворками. Общая длина шнура – около 307 см, толщина – 0,5 см. [2, с. 94, 95].

Анализ конструкции и системы оформления сабли и ножен позволяет датировать рассматриваемый образец длинноклинкового оружия первой половиной XVII в. и отнести к числу изделий османских оружейников указанного периода. Ближайшие аналоги рассматриваемой сабли хранятся в Оружейной Палате Московского Кремля, Государственном Эрмитаже, Музее искусств Метрополитен и др. [2, с. 95]. Наличие соответствующей надписи на клинке позволило отнести оружие к числу сабель-инсигний (символов ханской власти), которые вручались казахским правителям (принявшим российское подданство) при их утверждении в ханском достоинстве [2, с. 87–104].

Для уточнения обстоятельств нанесения надписей на клинок сабли из собрания ММК были изучены ранее не публиковавшиеся материалы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Отдела рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля (ОРПГФ ММК), Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА) [2, с. 96–100].

Рисунок 3

В ходе проведенного исследования было опровергнуто бытующее в историографии мнение о том, что рассматриваемый образец длинноклинкового оружия являлся жалованной саблей Ерали-хана 1792 г. [2, с. 95, 96]. Но анализ надписи на клинке и российской служебной документации XVIII в. показал, что первоначально сабля предназначалась для вручения знаменитому казахскому хану Аблаю (1711–1780 гг.).

В 1777 г. Аблай обратился к императрице Екатерине Великой с просьбой утвердить полученный им ханский титул со стороны Российской империи. Другой (и, возможно, основной) целью обращения к «Семирамиде Севера» было стремление получить военную поддержку в преддверии большого похода против киргизов [3, с. 277, 278, 359–362].

Для принятия присяги и подтверждения титула Аблай-хана российскими

чиновниками была разработана торжественная церемония. Образцом для нее послужила церемония 1742 г., проведенная для правителя Младшего жуза Абулхаира. Специальным рескриптом Аблаю были пожалованы знаки подтверждения его ханского достоинства: «...жалованная грамота за Государственной печатью, шуба соболья покрытая парчой, шапка парчевая с околышем чернубурой лисицы и сабля с надписью» [2, с. 97]. Это была третья по счету (после 1740 и 1758 гг.) жалованная (и вторая именная) сабля, которую предполагалось вручить Аблаю от имени российских властей [2, с. 97, 98].

Согласно специальному распоряжению, сабля была приобретена в Москве представителями Московской конторы Коллегии иностранных дел за 150 руб. В рамках дополнительных работ на клинке золотом была насечена надпись «на русском, так и на татарском языках» (оценено в 50 руб.); на «поправление» эфеса и прибора ножен (обновление позолоты, новую обтяжку ножен из малинового бархата, изготовление футляра для сабли и др.) ушло еще 25 рублей. За новую португезу, выполненную в виде шелкового шнура с кистями было заплачено 24 рубля. Таким образом, совокупная стоимость сабли-инсигнии с ножнами, «поясом» и футляром составила 249 руб. Это был весьма дорогой подарок. Для сравнения, все годовое жалованье Аблая не превышало 300 руб., причем официально передавалось 200 руб., а 100 руб. выплачивалось тайно [2, с. 97, 98].

В качестве места проведения встречи губернатора и хана, в ходе которой Аблаю предполагалось передать символы ханской власти, была избрана Петропавловская крепость Ново-Ишимской оборонительной линии [2, с. 98].

Однако тщательно спланированная церемония так и не состоялась. Нежелание имперских властей оказать военную помощь в походе против киргизов привело к тому, что Аблай отказался прибыть на прием к губернатору и откочевал на юг. Личный писарь хана Ягуда Усманов сообщал по этому поводу: «Аблай-солтан поехал бы не только в Петропавловскую крепость, но и в Оренбург, если бы даны были просимые им войска, а бес того не только присяги, но и знаков принять не хочет» [3, с. 277]. В ответ на подобный демарш Россия приостановила посылку Аблаю назначенного ему ежегодного жалования, даров, а также знаков ханской власти [2, с. 98, 99]. Несмотря на отказ Российской империи и Цинского Китая оказать военную помощь Аблай нашел возможность разгромить киргизов самостоятельно (1779 г.), однако на север он больше уже не вернулся. В результате, предназначенная для церемонии сабля так и осталась на хранении в Петропавловской крепости.

В мае 1781 г. командующим отдельным Сибирским корпусом генерал-майором Н.Г. Огаревым было получено письмо от новоизбранного хана Вали (1744–1821). В нем казахский правитель сообщал о смерти Аблая, подчеркивая, что последний на протяжении полувека служил российскому престолу: «А я с братьями своими и подданными киргисцами желаем также в подданстве быть так как и покойной наш отец находился непоколебимо» [2, с. 99].

После прибытия казахского посольства в столицу императрица 14 февраля 1782 г. подписала специально подготовленный ханский патент. При утверждении Вали на престоле предполагалось использовать «знаки» ханской власти, которые так и не были вручены его отцу Аблаю [2, с. 99]. Передача новому хану парчовой, опушенной чернубуркой шапки и крытой парчой соболиной шубы не должно было вызвать у местных чиновников особых проблем, чего нельзя было сказать о сабле, клинок которой украшала золотая насечка с именем Аблая и годом пожалования оружия (1778 г.). Этим вопросом предполагалось заняться особо. В частности, предписывалось сделать «...новую надпись на сабле, которая на хранящейся в Петропавловской крепости высечена на имя Аблая хана, а ныне надлежит ей быть на имя Валия Салтана, для чего господин генерал поручик и кавалер Якобий и послал уже от себя туда с предписанием

привести ту саблю в Оренбург, а как скоро придется туда для таковой насечки форма, то по оной надлежащим образом и исправлено будет» [2, с. 99, 100].

В 1782 г. сабля была доставлена в Оренбург, где, очевидно, местный мастер, исправил надписи на клинке в соответствии с формой, присланной из Санкт-Петербурга. Квалификация провинциального ювелира, видимо, существенно уступала мастерству его столичных коллег. На это указывает не слишком умелое нанесение необходимых исправлений, которые практически сразу бросаются в глаза при осмотре сабли. Стремясь свести исправления в надписи к минимуму, оренбургский мастер не стал менять день и месяц в дате, которая должна соответствовать дате подписания императрицей ханского патента, оставив их так, как они были написаны в 1778 г. [2, с. 100].

Церемония принятия Вали-ханом присяги состоялась 1 ноября 1782 г. в Петропавловской крепости. В ходе церемонии, после того, как Вали-хан повторил слово в слово за читающим вслух муллой текст присяги, поцеловал Коран и приложил собственноручно к присяге свою печать, ассесор и два чиновника одели на него соболью шубу и саблю. Затем генерал-губернатор сам вручил ему шапку и патент, из которых первую хан по обычаю тотчас надел, а последний поцеловал и поднял на голову [2, с. 100].

На протяжении последних десятилетий XVIII в. и большей части XIX в. предназначенная хану Аблау и пожалованная хану Вали, сабля хранилась у представителей казахской военной и политической элиты. Так, в частности, в конце XIX в. она входила в состав коллекции Мейрама Женайдарова (1846–1921), который был сыном одного из близких сподвижников знаменитого хана Кенесары – Жанайдара Орынбайулы (1818 – 70-е гг. XIX в.). В 1892 г. по случаю приезда в Омск цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) оружие экспонировалось в рамках этнографической выставки. Интересно, что оно было выставлено в комплекте с «собольей шапкой и парчовым поясом», которые принадлежали хану Вали. Оружие позиционировалось как «украшенная большими ценными камнями сабля, пожалованная [ему] 27 мая 1782 г. императрицей Екатериной Великой по случаю утверждения в этот день Валия ханом Средней орды» [4, с. 665].

В заключении отметим, что рассмотренная в настоящей работе сабля-инсигния имеет большую научную ценность. Она является единственным дошедшим до нас практически в неповрежденном виде оружейным символом власти казахских ханов, уникальной реликвией истории российско-казахских отношений XVIII в.

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Список использованной литературы и источников

1 Дуров В. А. Русское наградное оружие; серия «Оружейное дело». – М.: Фонд «Русские витязи», 2010. – 324 с.

2 Бобров Л.А., Новоселов В.Р. Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 3: Археология и этнография. – С. 87–104.

3 Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в двух томах. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – 696 с.

4 Ерофеева И. В., Усманова Э. Р. Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII – первой четверти XIX века // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в двух томах. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – С. 643–668.